

Идеи государственности

DOI: 10.31862/2073-9788-2019-4-94-119

Сергей Пилецкий

АПОЛОГИЯ ПАТЕРНАЛИЗМА

Аннотация. Манифестация авторской позиции относительно неотложных задач по выводу России из того социально-экономического, политического и культурного тупика, в который мы сами себя загнали. Автор претендует на выработку той, по его мнению, спасительной для нашей страны национальной идеи, которая в обозримом будущем может и должна стать знаменем ее возрождения. По глубокому убеждению автора, это реставрация патернализма во всех сферах государственной жизни, – от семьи до высшего политического руководства – которая должна превратиться в национальную программу самоидентификации.

Ключевые слова: апология*; патернализм**; принцип информированного согласия; либеральная демократия; рыночная экономика; конституционная монархия.

Abstract. This paper represents itself the manifestation of the author's position concerning the urgent tasks to lead out Russia from that socio-economic, political and cultural dead-lock, which we drove ourselves in. The author pretends to working out that, to his opinion, the saving for our country national idea, which in the foreseeable future can and must become the banner its rebirth. To his deep conviction, this is the restoration of paternalism in all spheres of the state's life, – from the family to the highest political leadership – which must be transformed into the national program of the self-identification.

Keywords: apology; paternalism; the principle of informed consent; the liberal democracy; the market economy; the constitutional monarchy.

Приглашение
к размышлению

Тут, знаете ли, удивительное рядом: вознамерился заняться неблагодарным делом – апологией патернализма. Подозреваю, что сразу буду обвинен в утопичности и эксплуатации трюизмов. Но это меня, право слово, мало

* *Апология* [гр. apologia – оправдание] – защита кого-либо, или чего-либо, часто предвзятая, восхваление, заступничество.

** *Патернализм* [лат. paternus – отцовство] – система, принципы и практика государственного управления.

заботит, поскольку, во-первых, очень многое из того, что мы ныне полагаем безусловными достижениями и чем по заслугам гордимся, поначалу воспринималось большим утешением не иначе как утопии, а, во-вторых, тавтологии эти (типа «что посеешь, то и пожнешь», «на чужом несчастье счастья не построишь» и т. п.) имеют характерную особенность: от того, что их полагают само собой разумеющимися и вытесняют на периферию сознания, своей значимости и актуальности ничуть не теряют. Так сказать, они стойко иммунны нашему невниманию и нашей глупости. *Но есть при этом одно неперемutable условие: все-речь заниматься апологией патернализма, а тем более грезить о его насущном восстановлении, можно лишь надеясь и видя Россию «Третьим Римом» (а четвертому, как известно, не бывать!), то есть великой и могучей державой. Если же в проектах достаточно уровня средней европейской страны (типа Швейцарии или Швеции), то беспокоиться на сей счет нечего: все в своей сути надо оставить на своих местах и лишь уверенней, то бишь модернизируясь, двигаться по пути реформ 90-х годов.*

Манифестация
позиции

Я же мыслю восстановление патернализма не только насущным, архиважным, но и без преувеличения великим. Патернализм, как известно, предполагает заботливое, отеческое отношение, когда совершенно осознанно берется на себя весь груз ответственности за благополучие подопечного. Так вот именно в таком отношении нуждаются, по моему глубокому убеждению, практически все сферы государственной жизни: от семьи до главы государства. А между ними вся вертикаль государственного управления и вся ширь муниципальных и земских политических институтов. Если уж братья, то надо братья за дело настоящим образом: реабилитировать и реанимировать патернализм там, где это только возможно.

Рыба тухнет
с головы,
но чистят-то ее
с хвоста

Говорят, что все болезни от головы. И это, как нельзя, – в самую точку. Все болезни в нашем государстве и в самом деле от высшего политического руководства и от «бардака» в наших собственных головах. Надо радикально менять и то, и другое. Вопрос: как, на что и зачем? И еще напомню: историк В.О. Ключевский говорил, что История – не учительница, она – надзирательница: она ничему не учит, а лишь наказывает за незнание уроков. А теперь самое время пояснить, что я имею в виду.

Нужда
в патернализме
семьи как ячейки
общества

Начну с семьи. Подавляющее большинство российских семей положительно нуждаются в восстановлении патернализма в том смысле, о котором мы упоминали. *Создание и культивирование образа крепкой семьи как*

жизнеспособной ячейки общества и оплота государства невозможно без повышения, в сравнении с нынешней, роли мужа и отца как главы семейства: ни в неполных семьях, ни в семьях гражданского сожительства, ни в нищенствующих семьях, ни в семьях, где верховодит феминистствующая «бизнес-леди», ни тем более в гомосексуальных. Семи пядей во лбу иметь не обязательно, чтобы догадаться, что это крайне негативно сказывается на подрастающем поколении.

Патернализм
как основа
народосбережения

То, что мы ухмыляемся на набивший уже оскомину «заезженный штамп» о тлетворном влиянии Запада в деле навязчивой пропаганды и умелом рассеивании ростков гомосексуализма и феминизма, не обращает сию практику в несуществующую. Почва – так себе, не шибко благодатная, но «сеятели» как истые европейцы упорны и трудолюбивы. То, что мы полагаем само собой разумеющимся неприемлемость и даже абсурдность того положения, что работающий мужчина (да тем паче еще на государственной службе) не в состоянии прокормить свою семью, также не переводит сей «статус кво» в разряд малозначимых. *Патернализм стоит на отчетливом понимании того факта, что свобода слова, печати, собраний и самовыражения второстепенна, а то и третьестепенна комплексу более фундаментальных и жизненно важных прав и свобод, таких как право на достойную жизнь, ее охрану и заботу, на бесплатное и качественное образование, на бесплатное и качественное медицинское обслуживание, на достойное пенсионное обеспечение, до которого – что немаловажно – большая часть граждан все же доживает и т. д. В тех государствах, где это в полной мере осуществляется, как бы они сами себя ни величали – хоть трижды либеральными, они в столь же полной мере исполняют свои властные именно патерналистские функции – и в этом с них следует брать пример. Наше же государство вот уже почти тридцать лет как от этого демонстративно самоустранилось.*

Патернализм
в сфере образования

Патернализм надо возвращать и в дошкольное образование, и в школу, причем и в высшую тоже. Надо вспомнить, что образование производно от слова «образ» и надо задуматься, какой образ мы в воспитанниках культивируем – божий ли, бесовский ли. Дело же, конечно, не только в пропорциональной представленности мужчин в педагогической профессии, а точнее – в удручающем дисбалансе ононого. Эта проблема не последних трех десятилетий, тем более что в вузах она никогда не была актуальной. Дело в другом. Срочно

нужно возвращать отечески заботливое отношение со стороны государства ко всей этой сфере вообще, и к социальному статусу учителя – в частности. Педагоги тоскуют по нему, они неимоверно устали от политики алчных «временщиков», они не заслужили тридцать лет каторги. Быть учителем сегодня – это даже не подвизничество и самоотверженность, это почти одержимость. Но неужели не ясно, что катастрофически тают как ряды этих одержимых «бессеребрянников», так и их силы и вселенское терпение.

Только бесстыжее и бессовестное государство может содержать на «рабском пайке» целую сферу, от которой зависит будущее нации

Только бесстыжее и бессовестное государство может содержать на «рабском пайке» целую сферу, от которой зависит будущее нации в несравненно большей степени, чем от леса, углеводородного сырья, золота и алмазов. Да и потом насчет науки. Неужели не ясно, что на какие бы нанотехнологии ни высвечивались приоритеты, на какие бы двумерные полимеры ставки ни делались, какие бы вторые «силиконовые долины» ни планировались, пока кандидат наук за свою ученую степень будет получать 50 долларов в месяц, а доктор наук – 100, не только на ощутимый прорыв рассчитывать не приходится, но и вообще проблему вряд ли сдвинешь с «мертвой точки». Размер средней зарплаты по стране – такой же надежный индикатор благополучия, как средняя температура по больнице. Русская униженная и оскорбленная интеллигенция смотрит на все это, терпит, а в душе тлеет угрюмый огонь.

Патернализм в медицину

Возвращение патернализма действительно требует и медицина. Причем в гораздо большей мере, чем даже в образовании и науке. Дело в том, что кроме вопросов финансирования и государственно уважительного отношения к профессии, там поднимается мощный пласт проблематики самоидентификации врачебной деятельности, ее традиций, императивов и новых либеральных веяний. Они к нам, равно как все реформы 90-х XX столетия, были занесены атлантическими ветрами, мы в них окунулись, и до сих пор не утремся. Было бы полбеды, будь они неизбежны, будь они не искусственны, не будь они инородны не только статусу, но и самому духу российского врача. Да что там российского врача, самому духу гиппократовской медицины.

«Клятва Гиппократа» – символ патерналистской деонтологии

Гордость, честь и совесть мировой медицины, ее живительные соки – моральный кодекс, императивно уложенный в «клятве Гиппократа». Здесь не только «буква» важна, сколь ее уже упомянутый дух. Скажите мне на милость, что плохого в том, что врач будет относиться к пациенту как равнодушный отец к своему

Несовместимость
гиппократовской
медицины
и либеральной
идеологии

О явном диссонансе
понятия «пациент»
в рамках
либерального
подхода

страдающему ребенку? Что унижительного в том, что он примет его под свою заботливую опеку, беря при этом всю полноту как моральной, так и юридической ответственности за его выздоровление. Не только ли что, а «молиться» на такого врача надо! *Такие наперечет!* Без исключения! Проблема всех времен и народов в шокирующей нехватке именно такого рода медиков.

Нам же вещают, предлагают и навязывают обратное. С упорством, достойным лучшего применения, пытаются внушить, что это архаика, «позавчерашний день», с трудом вяжущаяся с современностью. Просвещают, что, мол, конечно, отдавая должное гиппократовской медицине в деле становления профессии, делая, так сказать, реверанс ей, нужно тем не менее реформировать ее под стандарты и схемы, в большей мере отвечающие новым демократическим реалиям. А реалии таковы, что однозначно свидетельствуют о победном шествии по миру либеральной идеологии, «краеугольный камень» которой уважение прав человека, и медицина, мол, никак не должна оставаться на обочине этого кардинального движения человеческой цивилизации. *Патерналистская модель отношения врача и пациента выбраковывается на том основании, что она нередко не исходит из самодовлеющего значения самоопределения личности, безусловного уважения его свободной воли; ее порок и ущербность в том, что она лишает больного возможности играть решающую роль при принятии решений, касающихся его собственного здоровья.*

Навскидку вроде бы похоже на правду. Действительно, в патерналистской модели врач принимает все решения исключительно самостоятельно (ему и в дурном сне не приснится держать совет с пациентом и зависеть от его решения), прерогатива больного сводится к тому, чтобы дисциплинированно следовать назначениям врача. Собственно, сам термин «пациент» с латинского означает ничто иное как «пассивный, страдающий»: его бы надо по логике из либеральной медицины вовсе выкинуть за ненадобностью. Какой же он пациент, он – староста! Да и в традиционной медицине, право слово, силком больного никто в операционную не тянет, без его согласия обследования не проводит, насильно лекарства в рот не втискивает. Он же не психиатрический буйный. Хотя справедливости надо признать, что и в самом деле определенная ущемленность в правах пациентов наличествует – чего там скрывать. Вопрос в том, чем предложили заменить? А весьма, надо сказать, навязчиво ее предложили заменить на модель

не только не лучшую, а, по моему очередному глубокому убеждению, гораздо худшую, гораздо более разлагающую и развращающую, нежели прежняя, старомодная. Как можно не замечать и не задумываться над тем, что за ширмой технической оснащённости она плодит и пестует бездушных, расчетливых эгоистов, совершенно заформализованных в своей работе, что их в высшей степени и устраивает. Постараюсь не быть голословным: проиллюстрирую на паре примеров.

О принципе информированного согласия

Как известно, либеральная модель взаимодействия медика и больного зиждется на принципе информированного согласия. В соответствии с этим непререкаемым принципом врач обязан в полном объеме и максимально адекватно проинформировать пациента по трем пунктам: 1) о задачах и целях предлагаемого лечения; 2) их риске и их преимуществах; и 3) об альтернативах предлагаемому виду лечения, уже их риске и их возможных преимуществах. А окончательное решение, само собой разумеется, остается за пациентом – это право, если он совершеннолетний и психически вменяемый, никем и ничем отчуждено от него быть не может. Вроде бы с фасада все красиво, если не сказать безупречно: тут тебе и уважение человека как личности, его самоопределение, и признание его самодовлеющей свободной воли – не модель, а «конфетка». Только за манящей «оберткой», как частенько бывает, таится гниловатое нутро. Мы же не аборигены какие-нибудь, которые скопом велись на бижутерию колонистов. Получается так, что, конечно, модель сия пациента ничуть не ущемляет и не дискриминирует, напротив, это апофеоз его самореализации, но она – вот ведь «незадача» – очень даже ущемляет, дискриминирует и ставит в крайне неудобное положение не кого-нибудь, а медика.

Модель «ущемления» не пациента, но врача

Смоделируем ситуацию. Вот представим, что больной приходит на прием к врачу. Врач знакомится с пациентом, выявляет анамнез, проводит визуальный осмотр и первичное обследование, и, если для него «картина ясна» и никакого дополнительного обследования не требуется, ставит диагноз. Затем, как ему и предписано, в полном объеме, ничего не утаивая, и в доступной для пациента форме излагает суть проблемы и, как специалист, предлагает наиболее эффективный, по его мнению, в данной ситуации метод лечения. Ясное дело, что никакого обмана, угроз, шантажа, психического давления он в отношении больного оказывать не может – запрещено добровольностью информированного согласия. Но это еще не все. Раз его обязывают, он,

хоть и уверен, что советуемый им вариант лечения наиболее эффективен и целесообразен, вынужден упоминать и альтернативные предлагаемому методы лечения. Конечно, неприемлемые он отметет сразу, но, согласитесь, что и из возможных степень эффективности, надежности, действенности в конкретной ситуации весьма вариабельна. И вот он все, что от него зависело, сделал и «ждет у моря погоды» – смотрит в ясные (а может – и неясные) очи своего визави, мол, давай решай. А что, разве трудно догадаться, что весьма вероятно, что визави этот изберет не самый эффективный, а, может быть, и самый неэффективный из возможных метод лечения. Почему он это сделал – из религиозных ли соображений, из идейных ли, под чьим-либо внушением или просто с «бухты-барахты» – пациент никому докладывать не обязан. От него зависело принятие окончательного решения – он его осуществил, так сказать, реализовал свое право на самодетерминацию. Вопрос: а что врачу-то в такой ситуации делать? А что если она экстренная? Я полагаю, что если это порядочный, честный медик, истинный профессионал, то он постарается переубедить заблуждающегося больного, еще раз объяснить ему, что в его же интересах принять совет врача. А если пациент упорствует, настойчив в своем требовании – все, «приплыли» – ситуация патовая.

О возможной дилемме их двух вариантов: плохом и очень плохом

И вот тут возникает дилемма, в которой один вариант плохой, а второй – еще хуже. Первый вариант, который плохой, заключается в том, что честный, порядочный медик, осознавая, что его поставили в дурацкое положение, втягивают в авантюру, не желая идти «на поводу» у неверного решения и тем более брать ответственность за исход дела, просто предложит больному обратиться к другому врачу, так сказать, «отфутболит» к коллеге в надежде, что, может быть, тот будет менее щепетилен в плане нравственности. Не кажется ли вам, что бессовестно обречь врача, принимавшего «клятву Гиппократата», на такие искусственные коллизии. Но это, так сказать, «цветочки» – второй-то вариант еще хуже. Медик может рассудить так: все, что от меня зависело, я сделал, свой долг исполнил, переубедить пытался, ты как баран уперся, ну, так черт с тобой, плати деньги, и гуляй, Вася – будем действовать, как ты решил. Все логично: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. А если эта музыка впоследствии окажется похоронным маршем, то завершающую точку в рассуждении можно выставить по следующей схеме: «Мавр сделал свое дело, Мавр может уходить; Вася деньги заплатил, Вася может

О допустимости
«святой лжи»
в патерналистской
медицине

умирать». Вы понимаете, какое дело: под знаменем гуманизма и модернизма нас опрокидывают в «новое средневековье» – заполнение формуляра информированного согласия дает индульгенцию не только от правовой ответственности, но и от угрызений совести. Контрактная модель медицины требует людей именно такой «фактуры» – она же с успехом их и «штампует».

Вторая иллюстрация навеяна сложнейшей психоэмоциональной проблемой, специфичной и давно известной медицинской профессии, и ее новым «гуманистическим» прочтением. Ее обычно формулируют как проблему «святой лжи» или «лжи во спасение». Испокон веку медику было не позавидуешь оказаться в такой роли. Как сказать безнадежно больному, что он обречен, что его дни сочтены? Для сострадательного, для неочерствшего душой человека это очень нелегко. Традиционная, патерналистская, этика предписывала медику быть хорошим психологом и в каждой конкретной ситуации самому решать, стоит ли на данного человека взваливать эту неимоверно тяжкую, трагическую ношу или, может быть, чтобы не отравлять, не омрачать его последние недели довести эту информацию, так сказать, «по косвенным линиям» – через родственников, близких друзей и т. п.

О категорическом
неприятии
«лжи во спасение»
в контрактной
медицине

Ему нужно было изловчиться и заглянуть в душу подопечного, постараться смоделировать его возможные реакции на сию информационную жуть, ведь у больного до последнего теплится надежда на выздоровление, а тут, выходит, врач эту последнюю надежду отнимает, так сказать, подписывает смертный приговор. Ему нужно было постараться спрогнозировать возможные поступки этого человека в данной стрессовой ситуации. А тут такая новация, такая гуманитарная подвижка – технология «конвейера», технология поточного производства. Дается жесткое предписание, жесткий алгоритм: в том случае, если больной испросил о состоянии своего здоровья, дать ему (и только ему) полный объем достоверной информации. Если больной не спрашивает, никто за язык не тянет, но если, будучи совершеннолетним, поинтересовался, то будь любезен выложи всю без прикрас информацию и донеси, так сказать, «на блюде с голубой каемочкой». Спору нет, чрезвычайно удобный, «карманный» алгоритм, годный на все случаи жизни: какого «лешего» мучиться, ломать голову, терзать себя – должно срабатывать автоматизировано, на уровне условного рефлекса. Но с одной лишь, однако, оговоркой – опять же для людей нужной для контрактной медицины «фактуры».

Два контрдовода
в пику

Но как они не понимают, что это не только не разумно, не дальновидно, но и опасно в той мере, насколько может быть опасен загнанный в угол человек. А уж о том, что это может быть вовсе не милосердно и не гуманно для значительного числа людей – в таком разрезе и говорить не приходится. Неужели не ясно, что индивида (пусть не всех, но кое-кого) это известие может подтолкнуть к суициду. Но контрактную медицину это мало заботит – деньги ведь уплачены. Неужели не ясно, что индивид (пусть не любой, но кое-кто), облагодетельствованный такого рода информацией, может быть даже социально опасен, рассудив примерно следующим образом: а что мне, собственно, терять, что мне может сделать государство – в самом худшем случае приговорить к смерти, так я уже приговорен. То, о чем он раньше мог только грезить, но боялся осуществить из-за страха наказания (скажем, отомстить кому-нибудь), сейчас, пока еще в силах – а посему мешкать ни в коем случае нельзя, он может совершать без какой-либо опаски. Но контрактную медицину это тоже мало волнует – деньги же, напомню, уплачены.

О раскрывшейся
финансово-
имущественной
изнанке

Но вот что любопытно: какой такой здравый аргумент, пусть не безупречный, но хоть сколь-нибудь «заваляющийся», можно противопоставить сему полному абсурду раскладу. Каким аргументом можно если уж не оправдать, так хоть прикрыть сию фундаментальную ревизию. Оказывается, он есть. Если немного поскрести «фольгу» из словес о примате уважения человеческой личности и о том, что правда всегда лучше лжи, то оттуда проглянет Мамона – деньги, то бишь. Не те, конечно, которые уже уплачены, а те, которые еще только предстоят к дележу. Дело в том, что богатые, как известно, не только плачут, но и умирают. Так вот весь «огород городить», ревизовать один из важнейших постулатов традиционной медицинской этики нужно было почти исключительно для того, чтобы состоятельному безнадежно больному пациенту дать фиксированное время закончить свои мирские дела, чтобы он не опоздал в оформлении завещания, чтобы предотвратить возможный хаос и раздраз среди потенциальных наследников. Вы представляете: на одной чаше весов – все, о чем мы упомянули и предостерегли, а на второй – неподделенные деньги. И вторая перетягивает. А как бы вы хотели: при капитализме в 99 случаях из 100 деньги перевесят все.

О патернализме
в других сферах

Но пойдем, однако, дальше. В патернализме, как заботливом и внимательном к себе отношении, не в меньшей мере нуждаются и армия, и

правоохранительные органы (пустые переименования вызывают лишь раздражение и ненужные ассоциации), и судебная система. И понятное дело: министром обороны и министром внутренних дел может быть только мужчина, и только военный (это, собственно, столь же очевидно, как и то, что министром здравоохранения должен быть только медик, а не слесарь, шахтер или экономист). Регламент статьи не позволяет конкретизацию, ограничимся констатацией во услужение проблемам более настоятельным. Раз уж неоднократно упоминали о деньгах, то таковой базисной проблемной областью является экономика. А то у нас доходит до чудного: в стране санитарок меньше, чем олигархов. Превеликое дело исправления «бардака» в головах нужно начинать именно с нее – с общественного бытия. А в ней, в экономике, с недавних времен хозяйничает мифологема – респектабельная, презентабельная, «жрецами охраняемая, да еще и кусачая» в адрес тех, кто ее не принимает. Это мифологема о рыночной экономике и ее институтах как панацее социально-экономического успеха и прогресса.

О мифологеме
рыночной экономики

Есть такой лозунг-девиз, принимаемый многими за «чистую монету», за безусловную истину, что, мол, рынок все устроит, все поставит на свои места – главное, ему не мешать. «Жрецы» рыночной экономики и свободной конкуренции усиленно как «мантры» закликают, с умным видом «ворожат» и, надо отдать им должное, находят себе немалых сторонников и пылких адептов. По моим эмпирическим наблюдениям, большинство из них люди весьма и весьма специфичные и неглупые, но – чего там скрывать – с ярко выраженным хитроумно-мошенническим складом интеллекта. Они оттого так усердно призывают и ратуют за свободный рынок, за свободную конкуренцию и за максимально либерализованные «правила игры» потому, что в этой «мутной водичке» им, первоклассным «шулерам» и «комбинаторам», сласть как вольготно, сласть как хорошо, а всех остальных, то бишь нас с вами, они рассматривают как потенциальных «лохов». Яркий и горький пример тому наша «российская долина финансовых пирамид», «ваучерная приватизация» и практика «залоговых аукционов». Ну, это, положим, в прошлом. Кто же сейчас, после всей этой кроваво-криминальной «вакханалии» 90-х, ничего лично для себя не получив от быстро и со вкусом кем-то съеденного «общего пирога», продолжает искренне грезить и верить в чудодейственные свойства рынка, тот опоздал лет этак на двести пятьдесят и то исключительно

О свободной
конкуренции

но по теории. По теории Адама Смита.

Там классически повествуется о трудовой теории стоимости в рамках и контексте начальной стадии становления капиталистических отношений – эпохи свободной конкуренции. Но где, спрашивается, вы видели за последние, по крайней мере, сто лет капиталистический рынок свободной конкуренции? Не считая учебников, конечно. Да, нигде ни вы, ни ваши папы и даже ни ваши дедушки этого видеть не могли по причине его простого отсутствия. Там, где он и был, давно канул в Лету кем-то «обожествляемый» рынок свободной конкуренции, и, как птица Феникс, больше уже нигде и никогда не возродится. С одной лишь оговоркой: если, конечно, Куба и Северная Корея так не сглупят и не пойдут когда-нибудь, в свое время, нашим дурным проторенным путем 90-х. Стало для всех практической аксиомой, что государству оставлять «на самотек» экономическую жизнь общества не просто бесчеловечно, но и непозволительное роскошество, граничащее с самоубийством. Два последних гвоздя в «гроб» радужной парадигмы свободного рынка вбили в XX веке Германия и США своими кризисами 20-х – нач. 30-х годов. Вбили, плюнули, растерли и закопали навсегда.

О государственно-
монополистическом
капитализме

Оторвитесь от устаревших учебников, обернитесь по сторонам и убедитесь, что более ста лет уже как во всем мире государственно-монополистический капитализм, транснациональные корпорации, жестокая протекционистская политика и лютая, но несвободная, конкуренция. Сейчас к этому еще присовокупится борьба «не на жизнь, а на смерть» за сырьевые ресурсы (в особенности – за энергетические) и ресурсы пресной воды. А нам предлагают вернуться в «прекраснодушную экономическую маниловщину», продолжать грезить о свободном рынке, где нет экономического шпионажа, где не преследуются и не отстаиваются свои геополитические интересы (в том числе и военными средствами), где нет предельно жесткой и дифференцированной шкалы таможенных барьеров, где нет картельных сговоров, где государство отпускает свою валюту в «свободное плавание», а своих граждан, как котят, швыряет из лодки в «пенную волну», мол, кто выплыл – молодец, а кто не выплыл – что ж поделать – туда ему и дорога. В членах Организации Объединенных Наций числятся более двухсот государств, и все они (за исключением двух, мной указанных) представляют собой страны с рыночной экономикой. Так вот: из более чем двухсот государств лишь где-то три-четыре десятка процветают, а

Об имманентных
свойствах рынка

остальные влачат самое жалкое существование.

Теперь об имманентных свойствах рынка. Мое твердое убеждение, что рынок очень хорош для мошенничества и махинаций, просто хорош для малого бизнеса, не очень хорош для среднего бизнеса, очень нехорош для крупного бизнеса и просто губителен для целых социально значимых отраслей общественной жизни. В сферу образования, медицины, культуры, науки, обороны и безопасности государства в идеале – лучше рынок вообще не допускать, пусть себе резвится в малом бизнесе. А так у вас бюджетные учреждения здравоохранения позакрываются, и как «грибы после дождя» вырастут платные медицинские центры, ученые пойдут торговать с лотков, в бывших корпусах предприятий устроят базары, в прошлом наукоемкие и высокотехнологичные заводы ВПК начнут штамповать кастрюли, бывшие военнослужащие и работники правоохранительных органов уйдут в криминальные структуры, в бывших детских садах откроются пивные бары, в школах и кинотеатрах – казино, а в бывших музеях-усадебках будут праздновать свадьбы, юбилеи и корпоративные вечеринки новые «хозяева жизни». Так что если уж и допускать, то с крайней продуманностью, осторожностью и оглядкой. Оглядкой на разум. Разум же никогда не забывал напоминать, что «злое и ненасытное божество», идол и кумир, которому поклоняется и пред которым раболепствует рынок – это получение прибыли. Если не сковывать – то во что бы то ни стало и любой ценой. Помните, как у К.Маркса: мясник продает мясо не потому, что он хочет, чтобы все были сыты, а потому, что хочет получить прибыль; или нет такого преступления, на которое бы не пошел капитал ради 300 % прибыли. Это все, увы, из той же серии, и это все, увы, нам уже пренеприятно знакомо.

О российском
капиталистическом
недропользовании

Или вот еще что. Я очень хорошо помню, как нам в начале 90-х основательно доказывали и убеждали, что, мол, рынок гуманнее, целесообразнее и эффективнее командно-административной системы во всех сферах экономики, в том числе и недропользовании. В то время большинство из нас обитали еще в «демократической эйфории», витали в «заоблачных высях» европеизма, перемен жаждали наши сердца, мы просто алкали гуртом вестись за либеральными «поводырями», нас и уговаривать-то особо не приходилось. А что, спрашивается, в итоге. А в итоге – «караул!» Клеймили бывшую советскую систему недропользования как «хищническую» и «варварскую», но сейчас «изъем» сырья ведется

еще более недопустимыми хищническими и варварскими методами. С одной лишь разницей: те «варварские» деньги шли в «закрома» государства на общенациональные нужды, а нынешние «варварские» – в чей-то «карман». Те «варварские» деньги направлялись в том числе и на геологоразведку (понимали же, что нужно не только выкачивать, но и изыскивать новые месторождения), а нынешние «варварские» – на пополнение чьих-то зарубежных счетов, на покупку очередных лимузинов, квартир, вилл, яхт, самолетов, островов и футбольных клубов. Ладно хоть целые государства не покупаем! А зачем, собственно, частному собственнику вкладывать деньги (и немалые), отрывать, так сказать, от сердца и отчуждать на какую-то там геологоразведку? Его волнует, заботит лишь одно: получить максимально возможную прибыль за максимально короткое время. Стратегия «после меня хоть потоп», стратегия «временщиков»: все шахты, «по вершкам» выкачанные, заливаются водой; одно месторождение истощилось – переходим к другому; все месторождения истощились – пытаемся продать (извините, свободный перелив капитала), если не получается – банкротим предприятие, все распродаем, забираем семью (если она уже не там) и «айда» в далекие страны, где ждут-не дождутся «распухшие», радующие глаз счета. А какие только лихие, изощренные, уловки не напридумывали «высоколобы» и ушлые юристы по уходу от налогов. наших с вами, замечу, налогов. И все по той же причине: получение максимально возможной прибыли. В итоге, 80 % общенациональных недр располагают и с успехом пользуются 20 российских кланов. В итоге, мы и это тоже хорошо запомнили: не так давно при колоссальных, «с неба упавших», барышах, при цене нефти до полуторасотни долларов за баррель в самой России, втором в мире по объему продаваемой нефти экспортере, литр бензина стоил столько же, сколько и в странах-импортерах. Парадокс. Это примерно то же самое, если бы, скажем, бананы в самой Африке продавались по той же цене, что и Скандинавии, с подоплекой, мол, ничего не поделаешь – глобальная рыночная экономика. Думается, такому «проповеднику-рыночнику» недолго пришлось бы погулять по черному континенту – недоуменные африканцы просто съели бы его либо вместо бананов, либо вместе с бананами.

Об истосковавшейся по патернализму экономике

К чему это, спрашивается, я? А к тому, отвечаю, что экономика, как, вероятно, никакая другая у нас сфера общественной жизни жаждет возвращения

патернализма. Она истосковалась по порядку, руководству, планированию и прогнозированию. Только государство может позволить себе не ставить во главу угла в своей заботе о гражданах задачу извлечения прибыли, только оно, как тревожащийся о благополучии своих детей родитель, может выстраивать иерархию ценностей и значимость приоритетов без оглядки на корысть, только в его силах своей волей остановить эту удручающую закономерность – когда «презренный металл» начнет по привычке перетягивать свою чашу весов вниз, на соседнюю положить свою тяжелую «десницу».

О недрах и «плоской»
шкале налогов

А для этого нужна сила, а для этого оно должно быть дееспособным. А для этого ему нужно вернуть почти все то, что у него было прихвачено в начале 90-х. Ну, пусть не почти все, так хотя бы недра. Политики «малых добрых дел», тактики «гомеопатических доз добра» уже явно недостаточно. И это был бы самый первый и самый нужный шаг в этом долгожданном победном патерналистском шествии. Ну, а вслед за ним необходим и второй: категорически отказаться от бессовестной «плоской» шкалы налогов. Кроме как насмешку и издевательство не могу воспринимать довод, что, мол, это даже в наших с вами интересах 13 % для всех ставка подоходного налога – она, мол, даже обеспечивает большую пополняемость бюджета, что, мол, положенного все равно государство собрать не сможет (ну, конечно, на грабительскую пенсионную реформу политической воли хватило, а вот на это – никак!). А я так скажу: это, смотря какое государство. Бесстыжее, конечно, не соберет и даже пытаться не будет, а вот патерналистское – без особых хлопот. Их, эти два шага, вне всякого сомнения, очень нелегко будет сделать, но их во что бы то ни стало надо сделать, чтобы потом с чувством исполненного долга можно было бы сказать: без дороги из дома, нет дороги домой. И вот тогда только можно было бы всерьез рассчитывать на «вербное воскресенье».

Необходимость
избавления
от вредоносных
мифов

Избавляться от мифов нужно, тем более от вредоносных. В частности, от того, что будто бы конкуренция – это, так сказать, приводной механизм, маховик, той самой «панацеи» успеха и двигателя прогресса. Да мифология это! Что действительно может на сем непрямом и тернистом пути поддержать и поспособствовать – так это сотрудничество, взаимопомощь и покровительство. Покровительство умное и заботливое. Известно же, что помогать талантам надо, бездари же пробьются сами окольными путями. Конкуренция, вероятно, хороша в спорте. Вполне может быть, что для кого-то спорт – это

Либеральный миф
о демократии

жизнь, но что жизнь – это не спорт – это точно. Это слегка напоминает еще одно древнее «клише», что будто бы в спорах рождается истина. В спорах истина не рождается, в спорах истина отстаивается.

Все взаимосвязано в этой жизни: чтобы решить означенную проблему, чтобы проявить политическую волю и добиться ее осуществления, нужно радикально трансформировать нашу политическую систему опять же в духе и стиле патернализма. Существенно препятствовать разрешению уже этой эпохальной задачи будет другой глубоко внедренный и тщательно культивируемый в наших мозгах либеральный миф о демократии как наилучшей из возможных форм государственного правления. Пожалуй, начинать рассуждения о демократии и логично, и уместно с известного афоризма сэра Уинстона Черчилля, что, мол, демократия – плохая форма правления, но другие еще хуже. Признаюсь, что еще в юношеские годы у меня оформилось к нему устойчивое подозрительное отношение; интуитивно я воспринимал его не как шедевр английского юмора, а как насмешку. Было ощущение, что тебе подмигивает «наперсточник».

Иллюзия силы
демократии

Ну, во-первых, считается, что демократия, пусть хоть и не без изъянов, но все же при этом наиболее стабильная и эффективная форма политического устройства, способная успешно решать встающие перед ней задачи. Вроде бы действительно так, но, скажем, монархический государственный строй просуществовал не несколько столетий, а, как минимум, несколько тысячелетий и доказывал ничуть не меньшую стабильность и эффективность в разрешении возникающих проблем. Во-вторых, полагается, что демократия позволяет пробиваться к кормилу власти общественным «низам», по-иному этого лишенным, отвечает интересам подавляющего большинства народа, а посему социально более справедлива, а, значит, и более нравственна. Вроде бы действительно так, но, по крайней мере, с не меньшей очевидностью можно было бы заключить и обратное: реальные шансы «человека с улиц» даже при наличии его активной гражданской позиции без надлежащих связей и надлежащей финансовой поддержки близки нулю. Формально равные шансы *de jure* разбиваются вдреизг катастрофическим по стратификации *status quo de facto* (Я бы сказал, что неравнодушному и талантливому отпрыску в плане головокружительной карьеры просвещенная монархия даже сподручнее демократии. Достаточно вспомнить «птенцов

Петровых) – будущую элиту реформируемой России). А когда происходит тот редкий случай, что рядовой человек «с подворотни» проникает с чьей-то помощью и чьим-то protégé в эшелоны власти, то он будет вынужден, хотя бы из элементарного чувства признательности и благодарности, отрабатывать авансы. Это, кстати, напрямую и о том, в интересах ли подавляющего большинства общества впоследствии будут приниматься решения. И, наконец, в-третьих, утверждается, что демократия соответствует самым сокровенным чаяниям, глубиннейшим пристрастиям и предпочтениям, коренящимся в самой нашей природе и вытекающим из верховенства трансцендентальной человеческой свободы. Человек, мол, рождается свободным, и никто и ничто не вправе его этого лишать. Вроде бы действительно так, но вас не настораживает тот факт, что демократию мы не пускаем, поскольку она доказала там свою ущербность и несостоятельность, ни в сферу супружества и семейных отношений, ни в сферу дошкольного воспитания, ни в сферу среднего, средне-специального и высшего образования, ни в сферу медицины, защиты Отечества и правопорядка, ни в сферу спорта, ни в сферу философии, науки и искусства, ни в сферу морали и религии, ни в сферу какого бы то ни было стоящего дела, – от охоты на мамонта до нанотехнологий – а исключительно и только в акваторию политики. Не странно ли это? И ссылаемся при всем при этом на природу человека. Не хитрим и мошенничаем ли тут как тот «наперсточник»?

О достоверности
итогах выборов

Рассуждая о демократии, практически все (за малым исключением) понимают, что она не только не цель, а всего лишь средство к благосостоянию, и если она к нему не ведет, то бишь не выполняет свою надлежащую функцию, то надо искать другое, более надежное и эффективное. Причем она не универсальна не только содержательно, не только структурно-функционально, но географически и этнографически. Ее притязания на некий «вселенский», «общечеловеческий» статус беспочвенны, завышены и самонадеянны. Мало того, что она в своем наличествующем российском виде ни в коей мере не обеспечивает подлинного народовластия, поскольку трудового народа не только во власти не видать, но и даже и решения в государстве принимаются далеко не в его интересах, но, кроме того, нет никакого доверия к честности проведения и достоверности результатов ее основы основ – самих выборов. Этому мы, к сожалению, уже весьма приученные и, мягко говоря,

не всегда благодарные зрители и участники. Президентские выборы 1996 года в нашей стране – этому непреходящий памятник. Как в свое время остроумно и прозорливо заметил незабвенный «отец народов» Иосиф Виссарионович Сталин: «неважно, как проголосуют, важно, как посчитают». И я не удивлюсь, если вскоре дискредитация, разочарование и недоверие не только к функционированию политических институтов либеральной демократии, но и к самому ее базису – всеобщим выборам – достигнет такой глубины и таких масштабов, что в своем большинстве сознательные, не ко всему безразличные, граждане начнут все настойчивее требовать чего-то принципиально иного. Будут недоуменно смотреть по сторонам в клочкотании гневном. Не дошло бы даже до неистовства.

О «преимуществах» электронного голосования

Вы меня спросите, как это может быть, что может стать той «последней каплей», переполнившей «критическую массу» терпения? И я вам отвечу: да все просто. Этому мы тоже уже не очень-то признательные свидетели. Я имею в виду усиленно внедряемую систему электронного голосования и, соответственно, электронного подсчета его итогов. Нам, естественно, вещают о ее эффективности и прогрессивности, заверяют в ее полнейшей надежности, укрытости и многоуровневой защите от всяческого стороннего проникновения и взлома, но «обжегшись на молоке, на воду дуют». Ну, во-первых, лихо и умело совершенствуются и «хакерские» средства и методы, так что 100% гарантии никто и никогда вам не даст; и, во-вторых, а кто вам сказал, что большее беспокойство вызывают некие сторонние, так сказать «инородные», влияния, нет, как раз совсем наоборот, от своих жди подвоха – как метко изрек римский историк Ювенал: «а кто будет охранять охранников?», то бишь а кто будет надзирать над надзирателями? Раньше полагались на так называемый и неплохо себя зарекомендовавший «административный» ресурс, теперь же к нему присовокупят новомодный и безотказный «электронный». Вот будет тебе, бабушка, и Юрьев день!

О неизбежных последствиях этих «преимуществ»

Скажите честно: вы в самом деле доверяете всем этим ушатам на нас хлынувшим «интерактивным голосованиям», поднявшимся на пене разнокалиберных игровых и «ток» шоу? Не кажется ли вам, что результаты в них уже кем-то predeterminedены и что вся эта суэта со звонками и SMS-сообщениями – лишь дань и неотъемлемый атрибут современного шоу. Закулисный «драматург» потрудился и уже давным-давно составил подробный сценарий (и он уже где надо утвержден) по всем

перипетиям туров, в точности указав, кто из участников выбывает, а кто проходит дальше, учтя, между прочим, и то, чтобы неожиданных поворотов, «экспромтов», всплесков эмоций и незлого драматизма было побольше. Каноны жанра, так сказать. Можно сколько угодно изумляться тому, что ни вы, ни ваши родственники, ни ваши знакомые, ни знакомые ваших знакомых не голосовали, скажем, за какого-то кандидата, а он прошел, а ваш фаворит нет, но ни проверить, ни тем более что-то доказать вы никогда не сможете. Очень сдается, что нечто схожее вскорости произойдет и с выборами: все мы скопом окончательно превратимся в хронических политических «статистов», имитирующих кипучую деятельность, а некие «закулисные сценаристы», «серые кардиналы» будут, не спеша, раскладывать свой «пасьянс» и вершить наши судьбы. Какое-то время эта хитроумная уловка просуществует, продержится, но рано или поздно надоеет, станет невтерпеж, и гроздьями полетят чьи-то головы. Все опять вдруг вспомнят пушкинские провидческие слова про русский бунт – бессмысленный и ужасный.

Высшее проявление патернализма в политике – монархия

Так что же, спрашивается, делать? Отвечу так: решиться довести великое дело восстановления патернализма до своего логического апогея, до самой вершины политической пирамиды – до реставрации в нашей Отчизне монархической формы правления. Мое глубокое убеждение, что именно монархия для России ближе, роднее, одновекторнее ее духу, чаяниям и устремлениям. Называйте это как хотите: хоть традиционной особенностью русского менталитета, хоть традиционной особенностью русской души. Неистребимую, неистощимую веру пусть и не в доброго, но честного и справедливого царя не смогли выжечь и вытравить ни десятилетия коммунистического воинствующего атеизма, ни десятилетия жесточайших репрессий и ГУЛага. Это в нас настолько глубоко, что если уж никакими атеизмами и казнями не проняло, то никакими заимствованными демократическими «карнавалами» – и подавно. Но считаться с этим надо. Считаться с объединенной мощью западноевропейской демократии, повторюсь, безусловно, надо. Поэтому если вы уточните, что для современной России ближе, роднее, так сказать, одновекторнее ее духу, чаяниям и устремлениям, то и я уточню – конституционная монархия. Но это должна быть не «показушная», «витринно-фасадная», конституционная монархия, как в ряде европейских стран, когда исполнением представительских функций роль монарха и

заканчивается. Просто нужно вспомнить этимологию греческого слова «монарх» и наделить его не протокольными функциями, сродни красочно-экзотической смене почетного караула, а вполне ощутимыми и реальными, как для него самого, так и для государства. Тут и изощряться, выдумывать-то особенно не требуется – просто взять да и наделить его теми же самыми полномочиями, какими обладает, по нашей конституции, президент Российской Федерации. Большого не надо, но уж этого не отдадим, это должно быть неотчуждаемо, как кому бы это ни было противно и у нас, и там у них на Западе. Пусть у них будут свои, не настоящие, правители, а у нас будет свой – настоящий. Разъяснить, в чем суть этих властных полномочий не буду, кто не помнит – отсылаю к первоисточнику – к конституции.

О неприемлемости
«романовского»
варианта

Но теперь самое существенное: кто будет этим первым правителем? Право слово, не через демократические же выборы, не через референдум же его выявлять и определять! Заранее предполагая, что получится не столь мудро и красиво, как вышло в свое время у великого Платона в его теории «идеального государства», все же рискну. Вариантов может быть два: пойти по линии Романовых или пойти по линии Рюриковичей. Мне видится более перспективным и предпочтительным второй. Постараюсь объяснить. Во-первых, что такое «свара» в доме Романовых по поводу возможного наследования и в чем неприглядная суть ее – нам неплохо известно из истории всего XX века. Это скомпрометировано. Российскому народу хватает своих межпартийных и внутрипартийных «выволочек», склок и передраг. Не хватало ему еще втягиваться в «домашние» великокняжеские! Для прессы это, конечно, могло бы стать неожиданным, бесценным подарком, – ей вольготно, когда мутно и нечисто – но для народа, как раз напротив, все должно быть, по возможности, немутно и чисто. Во-вторых, скомпрометирован сам казненный экс-император Николай Александрович Романов. И дело даже не в том, что столетие назад у русского царя эпитетом было народное – Николай II «Кровавый». Не раз бывало в истории, когда безвольные, немощные, неумелые, поддающиеся стороннему влиянию государи поступали не как рекомендовал в свое время Николо Макиавелли и, в итоге, приводили свой народ к бедам, крови и разрухе невероятным. Так что это совсем не ново в подлунном мире. Главное же в этом деле другое – он отрекся. Сейчас уже не столь важно, под действием каких обстоятельств, под чьим нажимом и влиянием он

сделал это. Главное, повторяю, он в очередной раз допустил слабость и безволие – и письменно отрекся, тем самым сразу же низведя свой политический статус с императорского на сугубо гражданский: был император всея Руси Николай Александрович Романов стал просто гражданин Романов Николай Александрович. И что не менее существенное: тем самым он сразу же пресек все возможные в будущем претензии на законный престол по своей линии наследования. А поскольку то же самое «отчудил» и его младший брат Михаил Александрович Романов – то мы и имеем то, что имеем.

Ремарка
о причислении
«к лику
страстотерпцев»

Что касается недавней канонизации семейства бывшего императора и причисление «к лику страстотерпцев», то лишь выскажу следующее соображение. Не хотелось бы выглядеть человеком с душой «коростой поросшей», но, думается, причислять-то ведь особо не за что. Ничуть не оправдывая чудовищную жестокость и изуверство большевистского решения, просто отмечу – а сколько таких семейств было! Не вдаваясь в подробности на счет Николая Александровича и Александры Федоровны, дети, врач С.П. Боткин и прислуга действительно невинно убиенны – в этом никаких сомнений нет. Но, повторяю, а сколько таких было в одном только XX веке, не говоря уже о всей русской православной истории?! Представляете, сколько тысяч было таковых – невинно убиенных – за тысячелетие российского православия! Что же их теперь всех канонизировать? Еще раз напоминаю: к июлю 1918 года это была уже семья не «помазанника Божия», а простого российского гражданина Романова, томившегося в большевистских застенках. Не отрекись, не смалодушничай он в феврале 1917, не известно, как бы еще сложилась и судьба России, и его собственная. И даже попади он тем же составом в руки большевикам, и даже решишь большевистское руководство (как оно и решилось) на тайную казнь, выглядело бы это и в глазах иноземных, и в глазах отечественных несколько по-иному. Да даже, я скажу, существенно по-иному: как личное мужество, как верность престолу, как стойкость за идею, действительно как поступок «страстотерпца». Да и потом, все приняли они безвинную кончину, но, признаемся, без каких-либо мучений же: были расстреляны, но физически же не страдали. В который раз повторяю: а сколько их было принявших страшную, мученическую смерть, когда они не только веру не предали, а и в самом деле «страсти терпели» жуткие!

Предпочтительность
«рюриковского»
варианта

У «рюриковского» варианта масса преимуществ. Во-первых, он не скомпрометирован. Нельзя же в самом деле счесть за «компромат» опричнину Ивана Грозного.

Более того, он окроплен «кровью агнца» (так же, кстати говоря, православного «страстотерпца») судьболомной темной угличской трагедии. Но в отличие от невинно убиенных детей Николая Романова, царевич Алексей был наследным сыном истинного «помазанника», от трона не отрекавшегося, на коем Божья благодать. Во-вторых, была бы восстановлена та утерянная не только духовная, но и генетическая связующая нить, о которой упоминал еще псковский старец Филофей в своей концепции «Москва – Третий Рим», русского царя с царями римскими, греческими, индийскими и египетскими. Это был бы высший сиятельный символ, переоценить значение коего невозможно. И, в-третьих, на этом судьбоносная символика не заканчивается. Разве не знаменитым было бы после кровавого, мятущегося, скорбного XX века в период еще не утихших «разброда и шатаний», в период «отрезвления» всем миром обратиться и призвать «варягов». Какой поворот был бы на новом витке истории: все бы символически вернулось «на круги своя»!

Предлагаемый алгоритм реставрации монархии

Вопрос: как это сделать? Ясно, что масса преимуществ второго пути сопряжена с не меньшей массой сложностей. Но это сложности особого рода, при желании они все вполне устранимы. Во-первых, – и это менее существенное – вносятся соответствующие изменения в конституцию по срокам полномочий президента с 6 до 5 лет. В зависимости от того, когда это будет принято, последний перед намеченным очередным «5» или «0» календарным годом срок заседаний парламента или президентства будет либо частично сокращен, либо удлинен. В этом тоже был бы символ России: пусть везде, как хотят, пусть у всех года полномочий «пляшут», зато весь мир бы точно знал, что каждый «5» и «0» год – российские. Во-вторых, – и это существенно – при том президенте, при котором переломное решение об изменении конституционного строя будет принято, создается «регентский совет», куда приглашаются наиболее влиятельные, уважаемые представители российской духовной элиты. Без всякого сомнения, при самом активном сотрудничестве и взаимодействии с русской православной церковью. В-третьих, – и это более существенно – при данном совете организуется группа из специалистов-гуманитариев (историков, философов, генеалогов, геральдологов и др.), чьей задачей ставится тщательное исследование «генеалогического древа» Рюриковичей и обоснованное нахождение среди королевских домов и аристократических родов Европы ближайших наследников Рюрика. Идеальными «пенатами» в этом смысле могли бы стать королевские и аристократические

дома Норвегии, Дании и Швеции. В-четвертых, – и это самое существенное – при том же совете создается уже другая, особая, «дипломатическая» группа, чьей основной целью будет поставлено проведение успешных переговоров с соответствующими лицами на предмет «передачи», в случае рождения мальчика, его на российский престол. В качестве приемлемого варианта устроил бы и вариант «привлечения» уже имеющегося мальчика, но желательного возрастом до 5 лет. Также понятно, что переговоры по столь непростой, деликатной проблеме должны вестись с предельным тактом, рассудительностью и предупредительностью. Не думаю, чтобы это предприятие было из разряда невозможных или невыполнимых: во-первых, при всей «гамме» испытываемых родительских чувств, все же их отпрыск будет «отдаваться» не на чужбину в рабство, а на российский престол; во-вторых, при надобности могут быть предложены такие заманчивые, выгодные условия, от которых будет трудно отказаться; и, в-третьих, скорее всего это и не понадобится вовсе, поскольку будет нешуточная конкуренция претендентов. В-пятых, – и вот это уже по-настоящему принципиально – изменение конституционного строя должно быть одобрено на российском всенародном референдуме (при цензе 50% + 1 от списочного состава имеющих право голоса) не менее чем 2/3 голосов избирателей.

О специфике
воспитания
будущего монарха

После благополучного разрешения четвертого и пятого пунктов, после обряда православного крещения (премьер-министром в «Третьем Риме» может быть кто угодно по вероисповеданию, но монарх может быть только православный) должен начаться под чутким и заботливым попечительством «регентского совета», под пристальным бдением средств массовой информации, под неусыпным вниманием заинтересованной общественности долгий, комплексный (не такой, конечно, долгий и комплексный, как предлагал Платон – всего до 21 года), процесс обучения и воспитания будущего монарха. Совершенно очевидно, что воспитываться он должен на традициях русской православной культуры, отнюдь не исключаяющей получения блестящего всестороннего образования, возрастище должен на русской культурной почве, впитаться и вскормиться ее «соками». По достижении им 21 года последний президент слагает с себя полномочия, и после торжественной церемонии принятия присяги на верность Отчизне монарх вступает в свои права. А далее все вполне предсказуемо. И если вы меня спросите, а не «фантазии ли это Фарятьева» в чистом виде, я вам отвечу – вовсе нет. По моим умозрительным прикидкам, все вышеозначенное

должно произойти мало того, что еще в этом столетии, так и в ближайшие тридцать лет. Совершенно ясно также, что возврат к монархии будет означать неминуемый переход вновь к сугубо административно-территориальному делению государства на губернии без всяких там республик, краев и округов с выделением титульной нации. Ну, и понятное дело, с генерал-губернаторами без всяких там местных президентов.

Патернализм
как национальная
идея

И, знаете, что я вам еще доложу: все вышесказанное также вполне можно воспринимать как своеобразный манифест просвещенного консерватизма. Но мало этого, вот уже два десятка лет многим отечественным умам не дает покоя вопрос: что же для страны может быть новой национальной идеей на обозримый этап исторического развития? А я вам отвечу: вот идея торжествующего патернализма во всех сферах государственности – от семейных отношений до управления государством – не только может, но даже и должна стать той новой, старой, идеей, которая подвигнет нацию на выход нашей Родины из того социально-экономического и политического тупика, в который мы сами себя загнали.

О космополитах
и тяге к успеху

Но это еще не все. Помните строку Осипа Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны». Драма в том, что слова сии, как ни странно, мало приложимы к гражданам Страны Советов тех времен. Они-то как раз жили, не просто чуя, а даже предельно отчетливо чуя под собой биение пульса страны, причем вне зависимости от того, по какую сторону колючей проволоки находились. Они боролись, гордились, радовались, горевали, страдали, даже безвинно умирали, ничуть не отделяя себя, свою жизнь от судеб Отечества. А вот не без стараний наших доморожденных и «закулисных» западноевропейских либералов было возвращено целое поколение, которое в своем большинстве действительно живет, под собою не чуя страны. У них голова забита совершенно другим. Но у них есть с кого брать пример. Это те, кто усовершенствовал, приспособил римское «*omne solum liberum patria*» («всякая свобода – отечество свободного человека») в более для себя удобное «где сыто и тепло – там и отечество».

Терпеть такое далее не представляется возможным. Я имею в виду не те 10 % зажиточных «космополитов», из которых 5 % процветают, 3 % роскошествуют и 1 % уже всем пресыщен, и от которых остальным 90 % населения требуется патернализм для защиты. Я имею в виду неиспорченное подрастающее поколение, которому патернализм не просто требуется, а жизненно необходим. Я имею в виду подрастающее поколение, пока еще не зараженное

О тяжести успеха

вирусом маниакальной тяги к успеху, которому еще не успели вдолбить в их неокрепшие головы, что, мол, если он есть, значит, и жизнь вроде бы удалась. А у успеха, мол, есть неотъемлемые внешние признаки – материальное благополучие. И чем оно ощутимей, тем он более явен.

Прошу понять меня правильно: никто не ратует за аутсайдерство, за лень, бездарность и бестолковость, никто не призывает к «святости нищеты», «самоедству» и мировоззренческому «флагемантству». Просто хочу сказать, что успех может быть во всех смыслах тяжел. Во-первых, к успеху зачастую честным (за который впоследствии не было бы стыдно) путем прийти невероятно трудно. Во-вторых, в случае достижения успеха нужно мочь соответствовать его высокой планке. А это будет нелегко: ты добровольно взваливаешь на себя дополнительный груз ответственности за свой внешний и внутренний облик, за свои слова и поступки. Тебе волей-неволей придется устроить свой внутренний «цензор», а что уж о внешнем не позабудут позаботиться другие – сомневаться не приходится. В-третьих, – и в этом суровая правда жизни – конкуренты в своем недобросовестном соперничестве вполне могут действовать исподтишка, вполне могут использовать недостойные приемы в своем страстном желании сместить тебя с пьедестала. Кроме алчности человеческой существует еще и зависть, и с этим приходится считаться. А уж с тягой к успеху они как нельзя приятели. И, наконец, в-четвертых, главная тяжесть в том, что совесть даже в том случае, когда это тот редкий вариант (1 из 10) честного и достойного успеха, будет тем не менее время от времени тревожить мыслью, так ли это. А если успех сопряжен не просто с ощутимым, но и существенным материальным вознаграждением, то порядочный человек будет чувствовать себя неловко, неуютно, когда вокруг столько исковерканных человеческих судеб, горя и нищеты.

О достоинстве

Но даже и это не самое существенное. Принципиально важно то, чтобы детям не то что со школы, а прямо «с пеленок» родители и воспитатели внушали, на расхожих ситуациях поясняли, на исторических персоналиях подтверждали, наглядными сюжетами из жизни иллюстрировали, а еще лучше – своим личным примером демонстрировали, что успех, а тем более его долларовый эквивалент, – отнюдь не самое главное в жизни. Что есть гораздо более значимые нравственные ценности, такие как стыд, совесть, честь и достоинство. Что лучше уж никакого успеха вовсе не иметь, чем поступиться ими. Что государству и обществу гораздо ценнее и важнее не твой личный,

ощутимый успех, а чтобы ты прожил жизнь достойно. В этом и было бы высшее осуществление твоего предназначения и высшее проявление твоей успешности.

О чести

А из перечисленных добродетелей верховная, на мой взгляд, – честь. Люди с обостренным чувством чести не только, безусловно, лучше людей с обостренным чувством алчности, они просто безусловно всех лучше. А это в юнцах надо лелеять, пестовать и возвращать. На это нужны годы и десятилетия. И медлить категорически нельзя. Вы не задумывались над тем, что пресловутый извечный грозно тлеющий конфликт «отцов и детей» зиждется, живет и согревается ничем иным, как обостренно разным представлением и толкованием чести. Не какими-нибудь частно-условными (пусть даже и сословными), идеологическими, эстетическими, эмоционально-психологическими, а тем более бытовыми пристрастиями и приоритетами, симпатиями и антипатиями, замечу, – все это почти вздор – а именно отчетливым и крайне болезненным несовпадением понимания, что есть честь и бесчестье, что дозволено, а что – нет, ни при каких обстоятельствах.

О половой специфике в понимании чести

Помните, у А.С. Пушкина эпитафией к его «Капитанской дочке» была проверенная временем максима – «Береги честь смолоду!» Это должно стать не просто национальным девизом, а общероссийской программой воспитания молодежи. Мальчикам надо втолковывать, что трусость и предательство, продажность и подлость – поступки бесчестные, какими бы мотивами и обстоятельствами они ни оправдывались. Девочкам надо вкрадчиво пояснять, что от них проявления мужества (то есть храбрости в наступлении и отваги в обороне) никто не требует, что у нее есть до супружества свой собственный диплом чести – ее девственность. И что к ней, по крайней мере, не в меньшей степени относится упомянутое «береги честь смолоду». А то доходит до абсурда: девочкам старших классов настолько задурили мозги, что они чуть ли не начинают стесняться своей непорочности как будто бы свидетельства их неуспешности у противоположной половины. Почему бы не объяснить им, что бывают такие «штрихи», которые меняют всю картину, бывают такие «детали», которые рушат целые устоявшиеся теории. И вот такой «деталью», между прочим, которая обрушивает всю эволюционную теорию, является не что иное, как девственная плева. Как-то рационально истолковать ее эволюционное происхождение невозможно: никаких адаптационных преимуществ или каких-либо «бенефиций» и преференций она «мутированному» носителю не давала и дать не могла. Никаких биологических выгод и преимуществ – одни неудобства и

В завершении
дискурса

неприятности! Но так же не бывает (в смысле – не должно быть) в рамках эволюционной биологии. Но что не удастся объяснить с позиций эволюционизма, то вполне уместно и торжественно с высот креационизма. Девственная плева как укрытое отражение замысла и промысла Божия в человеке, как отличительно-нравственный знак его верховенства над всеми остальными животными тварями. Девственная плева как дополнительное напоминание человеку, что он предуготован быть существом моральным, для этого достаточно иметь Всевышнего в сердце. Так разве можно к этому индифферентно, меркантильно, а тем более «наплевательски» относиться?!

Пора завершать. Мы исчерпали лимит на «безалаберность» и «головотяпство», нам надо прекратить подобострастно подстраиваться под совершенно чуждые нам стандарты, нам надо прекратить покорно угождать чьим-то алчным устремлениям не за чей-нибудь, а как раз за наш с вами счет. Повторюсь: тридцати лет каторги вполне достаточно, нельзя позволять переводить ее в бессрочную. Свобода, выстроенная на презрении, обмане и наживе, насквозь аморальна. Нам нужен, нам жизненно необходим патернализм. Патернализм умный, заботливый, дальновидный, нравственный, с ясным и отчетливым пониманием нужд общего блага и общественной справедливости. Пусть он и в самом деле зовется просвещенным. А программа его реализации, пронизанная рефреном «Береги честь смолоду!», так походя, между прочим, позволит если уж и не полностью разрешить, так, по крайней мере, существенно снизить остроту небольшой, но очень беспокоящей нас проблемы – проблемы коррупции.

Очень хочется верить, что все, что было до сих пор – все те тернии, испытания, беды, муки, слезы и кровь, что выпали на долю многострадальной России – не напрасно. Все жертвы не напрасны. И даже все ошибки не напрасны. Нам необходимо было переболеть демократией европейского образца, той самой либеральной мифологией, чтобы впоследствии к ней выработался устойчивый иммунитет. Прав был Фридрих Ницше: то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Сейчас мы уже выздоравливаем, еще немного – и встанем на ноги. А там – в путь. Знаем же: дорогу осилит идущий. Жаль вот только, что вполне может статься, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

